

03.02.2002
Мареева Марина

Марина МАРЕЕВА

С О Л О В Я Н Н Ы Й С О Л Д А Т О В

Фрагменты сценария

“ЖЕНЯ” Первая серия

Загородное шоссе. По обе стороны трассы – высокие ели и сосны. Солнечное летнее утро, поток машин.

Салон “Вольво”. За рулем – мужчина лет сорока с небольшим. На заднем сидении дремлет женщина лет тридцати восьми.

– Женя, просыпайся! – говорит мужчина. – Приехали.

Женщина открывает глаза. У нее особенное лицо. Породистое, выразительное. Красива, да, – но небанально, “штучно”. Такие лица запоминаются сразу.

– Репино? – спрашивает она, взглянув за окном.

– Почти, – откликается мужчина.

1 августа 1998 года.

Проселочная дорога. Сосны, разномастные, разноцветные коттеджики за высоким штатетником.

Салон “Опель”. За рулем – мужчина лет сорока пяти. Рядом с ним – хорошенькая шатенка, совсем юная, от силы двадцать.

– Нос обгорел. Да? – шатенка рассматривает себя в зеркало заднего обзора. – Не фиг было вчера загорать после двух. Обгорел! Потому что курносый.

– Курносый? – удивленно спрашивает мужчина. – Серьезно?

– Здра-а-а-а! – обиженно тянет шатенка. – Третий месяц состою у тебя в наложниках, до сих пор не рассмотрел!

На секунду убрав руку с руля, он снисходительно, вполне по-отчески оттягивает вниз нос спутницы.

Сосны, солнце. Дачи, коттеджи, типовые “коробки” пансионатов.

Теперь и “Вольво” едет по проселочной дороге.

“Опель” едет следом.

Обе машины медленно подъезжают к перекрестку.

Здесь проселочная дорога выходит на широкую трассу. “Вольво” впереди. “Опель” сзади.

Водитель “Вольво”, притормозив, смотрит влево. Трасса пуста. Впрочем, ветви высокого кустарника на треть заслоняют ленту дороги от обзора.

“Вольво” было выезжает на шоссе... Прямо на машину мчится “КамАЗ”, не замеченный водителем “Вольво” из-за ветвей.

– Андрей! – кричит Женя, по-прежнему сидящая на заднем сидении “Вольво”.

Андрей резко сдает назад. “Вольво” бьет бампер “Опель”.

Обе машины останавливаются.

Из “Опель” выскакивают его владелец и юная шатенка. Владелец “Опель” осматривает бампер.

– Ну вот. Позагорали, – резюмирует Женя. – Сколько у нас с собой? Стольнич?

– Хрена я ему его баксов дам! – ворчит Андрей, выбираясь из “Вольво”.

Владелец “Опель” тотчас насккивает на Андрея.

– Ты чего, козлиная?! – орет он, вне себя от бешенства. – Ты чего назад сдвнешь?! У тебя глаз нет, что ли?!

– Если бы я назад не сдал, мне бы “КамАЗ” полморды снес! – Андрей отшвыривает от себя владельца “Опель”. – Ты видел, как он проехал?!

– Мать твою! – владелец “Опель” оглядывается на свою машину. – Ты смотри... Бампер поцарапан! Ты мне чуть капот не смял, козлиная!

– Кирилл, не заводись! – шатенка гладит владельца “Опель” по спине, по широким, вистлым плечам. – Могло быть хуже, Кира!

– Сам виноват. Стоял близко, – Андрей подходит к “Опель”, осматривая поцарапанный бампер. – Ты дистанцию не держал.

– Я?! – орет Кирилл. – Если бы я дистанцию не держал, ты бы мне фару выбил! И решетку помял!

– Кира! – торжествующе кричит шатенка, обходя “Вольво”. – Я сейчас их номер спущу! Шатенка открывает сумочку. Порывшись, извлекает из нее патрончик помады и детективчик-ноутбук. Записывает помадой номер на книжной обложке.

– Нет, ты чего наделал?! А?! Урод! – кипит Кирилл. Новехонька тачка! Только купил! Только растаможил! Смотри, что наделал! – Положив свою широкую длань на затылок Андрея, Кирилл с силой пригибает его голову вниз, к бамперу.

– А ну, не трогай его! Убери лапы! – Женя, до сей поры сидевшая в “Вольво”, молниеносно выскакивает из машины. Налетает на Кирилла, отталкивает его от Андрея.

Кирилл не сопротивляется. Послушно отхо-

От автора

Не мне вам объяснять: Москва и Питер – не просто два великих города. Это, знаете ли, – два мира, две морали. Это тайное и явное притяжение – отторжение, это глухая партизанская война и открытая схватка. Это ревнивый, пристрастный интерес друг к другу, это сладкое и болезненное соперничество. Так пусть же это...

...И я уже придумываю, я сочиняю...

...Пусть же это будут отношения мужчины и женщины, мучительные, острые, замешанные на тайном и явном противоборстве, на мощном чувственном притяжении, война – любовь, любовь – война. Сюжет не нов, но вечен.

Москва, конечно же, – женщина. Своенравная, вздорная, яркая, душа нараспашку. Питер, конечно, – мужчина. Резкий, жесткий, обостренно самолюбивый, закрытый, не подступиться.

Нет, у меня все будет наоборот. Героиня – из Питера. Герой – из Москвы. Я и хотела, чтобы героиню, Женю, играла ленинградская актриса. А героя, Кирилла, – москвич. Попробуй-ка сыграть коренную петербургскую жительницу и коренного москвича, не будучи ими! Это – в крови, это – питерский ген и московский ген, невытравляемые, непобедимые, стойкие.

Но на этапе кастинга меня ждали сюрпризы. Коренную петербурженку тридцати восьми лет играет Дина Корзун, которой, полагаю, нет и тридцати, не питерская, не московская – гражданка мира. В роли сорокапятилетнего москвича – тридцатилетний петербуржец Константин Хабенский. Пятидесятилетнего актера, третьего героя нашей драмы, играет тридцатипятилетний Александр Домогаров.

В общем, режиссер Сергей Снежкин вполне мог бы сказать мне, автору: “Дорогая, я уменьшил наших детей”. Что ж, это его выбор, его решение. История – поколенчатая, исповедальная. А коли нас, сорокалетних, сыграют тридцатилетние, – значит, это будет исповедь сразу двух поколений, переключка, двойное эхо, оно звучит отчетливей и долгие; полагаю, Снежкин этого и добивается.

Задумано настоящее, не суррогатное кино, не копеечная сериальная лабуда. Достаточно назвать имена блистательных профессионалов, работающих на “Стойком Оловянном”. Художник-постановщик – великая и легендарная Балла Маневич. Художник по костюмам – Лариса Конникова, про которую на “Ленфильме” ходит байка, что пора бы отлить для Конниковой именную “Никку” с Ларисиним профилем, ибо этих дев крылатых у художницы – немеряно, и все – по праву.

Так что, задумано большое кино, и делают его большие мастера. Тем не менее – двадцать серий, пространство долгого телевизионного сериала. Первые десять серий будут готовы к июню.

Ни одной своей картины я не ждала так, как этой.

Будем ждать.

Он смотрит на Женю. Вся его ярость улетучилась невесте куда.

– Заплатить тебе? Мы заплатим. Сколько? – спрашивает у него Женя.

– А что это ты ему “тыкаешь”? – шатенка подходит к Кириллу, недобро глядя на Женю. – Не надо ему “тыкать”. Его Кирилл Владимирович зовут.

– “Полтинника” тебе хватит, Кирилл Владимирович? – по-прежнему глядя на Кирилла, Женя опускает руку в карман джинсовой рубашки Андрея. Достает оттуда бумажник.

– Какой “полтинник”?! – взрывается шатенка. – Вы нас на двести баксов ослепшили! Как минимум!

– Да ладно – двести! Девушка, вы нас за идиотов держите? – Андрей отбирает у Жени бумажник. – Пятьдесят баксов красная цена!

Кирилл не участвует в перепалке. Он стоит, молча, тупо, обалдело глядя на Женю.

– Тут царина пустяковая! – Андрей подходит к “Опель”, кивком предлагая шатенке удостовериться в этом. – Тебе ее в “Автосервисе” за полчаса замажут!

– Так уж и за полчаса... – шатенка тоже подходит к “Опель”.

Женя идет следом. Вот она поравнялась с Кириллом.

– Где вас найти? – негромко спрашивает он.

– Нас? – удивленно переспрашивает Женя. – Мы едем на залив. А зачем нас искать?

– Где? Конкретно? – быстро, требовательно спрашивает Кирилл.

– Ну, мы обычно... – Женя пожимает плечами. – Там магазинчик такой... “Волна”... Зачем нас искать? Давайте здесь все уладим!

– Андрей подходит к Кириллу, глядя на него с растущей досадой. – Давай! Будем их ждать, полдня тут париться. У тебя времени много? Тебе больше делать нечего? Да?

– А мы куда не торопимся, – отвечает шатенка.

– Садись в машину, – хмуро и властно приказывает ей Кирилл.

– Кира, ты чего? – обиженно спрашивает шатенка.

– В машину. Быстро!

Пожав плечами, надувшись, шатенка забирается в “Опель”.

– Сколько? – спрашивает Андрей у Кирилла, открывая бумажник.

Кирилл бросает на Женю внимательный, цепкий взгляд исподлобья. Переводит взгляд на Андрея. Говорит угрюмо:

– У тебя денег не хватит.

Садится в машину. Объехав “Вольво”, “Опель” выезжает на шоссе и исчезает за стеной кустарника.

Андрей вопросительно смотрит на растерявшуюся Женю. Та молча пожимает плечами.

– Кой черт было столько базарить? – наконец вопрошает Андрей.

Финский залив. Солнечный летний день.

Женя сидит на пляжной скамейке-качелях, метрах в пяти от воды, спиной к заливу. Она в открытом купальнике и длинной, тонкой, пестрой пляжной юбке. За ее спиной – синяя гладь залива, полуголая загорелая публика, играющая в волейбол, склоняющаяся туда-сюда вдоль линии прибоя.

Чуть правее – магазинчик “Волна”, шаш-

лычная, автостоянка.

Словно почувствовав чей-то пристальный взгляд, Женя поднимает глаза от книги.

Кирилл идет к ней от автостоянки, глядя на нее, оглябая распростертые на горячем песке полуобнаженные тела.

Подходит к Жене, садится рядом. Женя почти автоматически набрасывает на плечи пляжное полотенце.

– Поздно, – он берет с ее колен открытую книгу. – Я уже окинул тебя беглым, но зорким взглядом. Все очень грамотно. Для дважды рожавшей тридцатипятилетней женщины – более чем.

– Откуда вы знаете, что у меня двое детей? – Женя напряжена, она смотрит на Кирилла враждебно.

– Предположение, – он не смотрит на Женю, он листает ее книгу. – Как видишь, верное.

– ... И мне не тридцать пять, а тридцать восемь.

– Я же говорю – хорошо сохранилась.

– А почему вы говорите мне “ты”? – Ты же первая начала. Два часа назад. На шоссе. Кой хрен тратит время на Пелевина? – Кирилл бросает книгу на сиденье. – Наперсточник. Михаил Афанасьич для бедных.

Женя молча смотрит на него, плохо понимая, что ему от нее нужно.

– Ты меня не слушай, это я от зависти, – Кирилл смеется коротко, негромко. – Грамотный проект. Грамотная раскрутка. Они его у меня перехватили. Хоть стреляйся теперь. Сейчас к осенней книжной ярмарке припасли “Сене а оп П”. У-у, это будет бомба!

– Что вам, собственно, от меня нужно? – Женя бросает книгу в открытую пляжную сумку. – Вы все же решили взять у нас деньги? Андрей пошел купаться. Он выйдет – мы вам заплатим.

– Тебя как зовут? – спрашивает Кирилл.

– Женя, – Женя оглядывается назад, отыскивая взглядом Андрея. Андрей уже выходит из воды.

– Муж? – спрашивает Кирилл, проследив за ее взглядом.

– Муж, – резко отвечает Женя.

– Значит, разведешься, – спокойно и твердо говорит Кирилл.

– Вы сумасшедший? – Женя рассматривает его с насмешливым любопытством. – Может, вы выпили?

– Я трезв, – он снова негромко смеется. – Ты даже не представляешь себе, насколько я трезв.

– Я вас очень прошу – идите в свою машину! Уезжайте, ладно?

– Дай мне твой телефон, – говорит Кирилл тоном приказа. – Ты питерская?

– Бологое. Вышний Волочок, – Женя встает со скамьи, берет с песка сумку. Идет к Андрею, приближающемуся к скамье.

– Питерская, – Кирилл идет следом. – У машины номера питерские. Ты сегодня возвращаешься домой? Да?

– В чем дело? – Андрей, уже поравнявшийся с Женей, вопросительно смотрит на подошедшего к ней Кирилла. – Мужик, ты нас оставишь в покое или нет?

– Не надейся, – огрызается Кирилл.

– Он деньги потребовал. Я ему заплатила, – быстро поясняет Женя, набрасывая на мокрые плечи Андрея свое полотенце. – Андрюш, пойдём. Пойдём, пойдём...

И она почти силком отводит Андрея в сторону от Кирилла. Она быстро ведет его прочь, почти по щиколотку в теплом песке.

Середина дня.

Машина Андрея несется по загородному шоссе. Пролетает мимо указателя на Санкт-Петербург. Женя сидит рядом с Андреем. Оба – на взводе, оба, похоже, уже давно выясняют отношения.

– Нет, ты мне объясни: почему мы должны были сорваться и уехать?! – негодует Андрей.

– Так спокойнее. Он странный какой-то.

– Что значит “странный”? Ты же ему заплатила! Почему я должен его бояться? Сколько ты ему отстегнула, кстати?

Женя молчит, не зная, что сказать.

Притормозив у перекрестка, Андрей вынимает из кармана бумажник, пересчитывает деньги.

– Ты что, соврала мне, что ли?! Все деньги на месте!

Женя молчит, глядя в окно.

– А как он нас нашел? Ты что, сказала ему, где мы остановимся?!

– Андрюша, отстань от меня! У меня голова болит.

Рванув машину с места, Андрей продолжает в сердцах:

– Когда ты успела-то? Склеила мужика посреди ДТП!

– Прекрати!

– Нет, ну, а зачем он на пляж приперся?! И я, кретин... Всю неделю готовил алиби. Плел же не про воскресную рыбалку...

– Давно я не слышала про твою благоверную! – вскипает Женя.

– Моя благоверная в воскресный день дома киснет! – рывкает Андрей. – Ждет меня, сукиного кота! Честно рубит окрошку!

– Я сейчас заплачу от умиления.

– А ты заигрываешь с первым попавшимся козлом! У меня за спиной!

– Останови машину, – приказывает Женя. Андрей резко тормозит. Женя открывает

экран и снимает

свою дверцу. Взяв с заднего сиденья свою сумку, прихватив заодно и большую пляжную, Женя выходит из машины, захлопнув дверцу.

Она идет вдоль шоссе, "голосуя" пролетающим мимо машинам. Машина Андрея, подъехав к Жене, останавливается рядом.

Женя идет в обратную сторону, продолжая ловить попутку. "Вольво" снова останавливается возле нее.

Обогнув машину Андрея, Женя садится в притормозившие "Жигули". "Жигули" уносятся в сторону Питера.

Часов пять вечера. Классический петербургский двор-"колодец".

Женя идет через двор, перекинув через плечо обе сумки. Вот она устало поздоровалась с кем-то. Еще кому-то кивнула. Это ее двор. Ее дом.

Женя поднимается вверх, стоя в дребезжащей клетке допотопного лифта. Подходит к двери своей квартиры. Старый дом, широкая винтовая лестница, высокие двери. Женя пытается открыть дверь своим ключом — дверь заперта изнутри на цепочку. Женя нажимает на кнопку звонка. Долго ждет, пока ее откроют. Не выдержав, еще пару раз нажимает на кнопку звонка.

Наконец, дверь открывается. Моложавая дама лет пятидесяти с лихим шумно шепчет, взглянув на лестничную площадку:

— Женька, ты чего так рано приперлась? Четыре дня!

— Шесть вечера, — и Женя добавляет ядовито: — Счастливые часов не наблюдают.

— Подожди здесь, — мать захлопывает дверь перед ее носом.

Опустив сумки на кафельный пол, Женя прислоняется спиной к стене. Достает сигареты, закуривает.

Минуты через три дверь осторожно приоткрывается. Мужчина лет шестидесяти, красиво стареющий, рослый, благообразный, выскальзывает из дверей, стараясь держаться к Жене спиной, сгорая от неловкости, едва кивнув Жене.

Женя насмешливо наблюдает за тем, как он пытается улизнуть (шагнул было к лифту, передумал, направился к лестнице).

— Вячеслав Петрович, вы рубашку наизнанку надели! — кричит она ему вслед.

Вячеслав Петрович, уже спустившийся вниз на пару ступеней, застывает на месте. Оглядывается на Женю, выдавив:

— Это выпад?

— Это констатация факта, — Женя гасит окурок. — Вернитесь назад. Переоденьтесь.

Минуту Вячеслав Петрович пребывает в раздумье. Нет, он все же спасается бегством, торопливо сбега вниз по широким ступеням винтовой лестницы.

Гостиная в доме Жени и ее матери, Алины Борисовны.

Типичная питерская интеллигентная квартира — бедновато, уютно, много книг, масса каких-то милых фамильных безделушек.

Женя сидит на краешке дивана, наблюдая за матерью, лихорадочно сгребавшей с обеденного стола остатки праздничной трапезы. Пляжная сумка стоит на полу у Жениных ног.

— Можешь меня осуждать, сколько угодно! — напористо, энергично говорит Алина Борисовна, ставя на поднос две пустые рюмки, початую бутылку "Шатреза", кофейные чашки, кофейник, сахарницу.

— Мама, кто ж тебя осуждает? — устало откликается Женя.

— В конце концов, мне всего пятьдесят шесть! — Алина Борисовна сконфужена, но она всегда действует по принципу: лучший способ защиты — нападение. — Я — вдова! Он — вдовец! — Флаг вам в руки, — бормочет Женя.

— Ксения уехала к подруге! В Павловск! Гришку твой бывший забрал на весь уик-энд! Хотя бы воскресеньем я могу распорядиться по собственному усмотрению!

— Можешь. Должна. Только, пожалуйста, не крась больше губы этой помадой.

— Замечательная помада. Вполне нейтральный оттенок.

— Угу... Цвета огнетушителя.

Алина с грохотом опускает на скатерть поднос с чашками-рюмками. Негодующе восклицает:

— Вот когда тебе будет столько же, сколько мне, ты поймешь, что в пятьдесят шесть жизнь не кончается. Женская — в том числе!

— Это еще дожить надо, — вздохнув, замечает Женя.

Комната для фотосъемки в фотоателье. Ателье весьма нестандартного профиля, это видно сразу — стены увешаны фотографиями владельцев всякой живности в обнимку со своими подопечными: сидящие дамы с кошечками, дядьки с собаками и сенбернарами, старушка с попугаем на плече и так далее.

В комнате — масса атрибутов для фотосъемки со зверьем, есть даже золоченая клетка для птиц.

Полная блондинка сидит посреди комнаты на стуле с высокой спинкой, выкрашенной а ля "шкура далматина". Волосы блондинки, забранные в "хвост", увешаны голубым бантом. Таким же бантом украшена болонка, лежащая на ее коленях.

Женя молча устанавливает свет, готовясь к

фотосъемке, изредка отдавая односложные команды:

— Голову вниз и левее... Нет, повыше...

— Вавочкину? — блондинка разворачивает влево морду болонки.

— Ваську, — хмуро поясняет Женя.

— Мне все-таки кажется, что бант здесь не совсем уместен, — еще одна женщина, блонетка Жениных лет, наблюдает за происходящим.

— Я просто хотела подчеркнуть наше сходство, — взволнованно поясняет блондинка.

— Левое плечо чуть назад! — бестрепетно командует Женя.

— Я бы все-таки убрала банты, — вздыхает блонетка. — Поверьте, я знаю, что говорю. У нас единственное в городе фотоателье, специализирующееся на фотосъемке с животными.

— Отстань от нее. Бант так бант, — бурчит Женя, беря фотокамеру. — Приготовились! Я снимаю.

Отщелкав несколько кадров, Женя зачехляет фотокамеру.

Она входит в соседнюю комнату. Здесь

юная дева, сидящая за конторским столом, выписывает квитанции и выдает готовые фото. И здесь стены увешаны фотографиями хозяев всевозможного зверья со своими хозяевами.

— Денек! — вздыхает Женя, доставая из кармана сигареты и зажигалку. — Подряд — три дамы с собаками. Антон Палыч отдыхает.

— Терпи, — отвечает девица, "стрельнув" у Жени сигаретку. — То ли еще будет. Сейчас какой-то пизик звонил. Спрашивал, можно ли сфотографироваться с крокодилом.

— С чуелом — за милу душу.

— Сама ты чуело! У него дома дитеныш крокодила живет. Он его сюда притащит. В аквариуме. Не дыми мне в морду, я на четвертом месяце!

— Чего ж куришь тогда? Бросай, — Женя отходит от девицы.

Подходит к открытому окну. Совсем рядом, за окном — полоса тротуара и машина Андрея, только что притормозившая у фотоателье.

Женя выходит на крыльцо фотоателье.

Андрей, уже закрывший машину, подходит к Жене.

— Привет, — говорит он. Он сумрачен и хмур.

— Привет, — Женя хоть и старается казаться невозмутимой, но видно, что она рада его визиту.

Дама с собачкой выходит из фотоателье, правая пышный голубой бант.

— На твою Зинаиду похожа, — тихо говорит Женя, провожая взглядом даму, садящуюся за руль своей "Оки". — Та тоже вся... В ленточках-косичках. Предпенсионный синдром.

— Не трогай мою жену! — огрызается Андрей, глядя на часы.

— В общем, я рада, что ты приехал, — говорит Женя, помолчав. — Ты прости меня за вчерашнее. Я больше не буду.

— Женька, у меня пять минут. — Андрей снова косится на циферблат наручных часов. Андрей хмур и зол, его что-то гложет. — Меня из лавки на полчаса отпустили. У нас завтра аудиторская проверка. Вся фирма дрожит, готовится к шухеру. В общем, можешь меня клясть, но этот тип меня достал. Он сегодня звонил мне три раза.

— Какой еще тип?

— Вчерашний. На "Опеле".

— А как он тебя нашел? — ошарашенно спрашивает Женя.

— Представь себе, по номеру машины.

— Это же невозможно!

— Возможно. Если есть связи в ментовских верхах — без проблем.

— А чего он хочет? Денег?

— Тебя, — угрозою отвечает Андрей.

Пауза. Женя молча смотрит на приятеля, обомлев, опеши.

Из подъехавшей к фотоателье машины вы-

лезает еще одна дама с собачкой. На сей раз собачка внушительных размеров, устрашающей наружности.

— Здравствуйте, Женечка! — нежно тянет дама, проходя мимо Жени в фотоателье, ведя на поводке свою овчарку. — Мы снова к вам!

— Я же сказала — я не буду с вами работать, — Женя отходит от "собачки" подальше. — Она меня укусила. Мне укол делали от бешенства!

— А мы в наморднике, — ласково поясняет дама, прикрыв за собой и овчаркой дверь в фотоателье.

— В общем, я ему дал твой телефон, — Андрей изнывает от стыда. — Разбирайся с ним сама.

— Как это — "дал телефон"? Ты что?! — потрясенно спрашивает Женя.

— Женя, он сумасшедший! Он звонил мне три раза! — орет Андрей, желая только одного: свалить отсюда как можно быстрее. — Он меня вычислил по номеру машины, значит у него связи в ФСБ! Как минимум! Зачем мне эта головная боль?! У меня аудит завтра! У меня жена в подзрениях! Хороша рыбалка, говорит, ни одного малька не привез!

"Зоя, можно подумать, у меня "баксы" куры не клюют! Я столько за день на матрешках заработаю — тут же в "мини-маркете" спущу! Ты же знаешь, как мы жрать горазды!"

— А мужчина звонил? — понизив голос, спрашивает Женя.

— Звонил какой-то Кирилл. Такой баритон приятный. Пан-бархат. Сказал, к восьми вечера приедет.

Женя молча смотрит на мать. Алине Борисовне уже не до нее — стайка горластых финнов бесцеремонно ощупывает матрешки. Открывают "Ельцина" — находят внутри маленького "Горбачева". Радостный гогот. Алина набивает цену, ловко ввинчивая в разговор то английские, то финские словечки.

Женя медленно идет назад, к пешеходному переходу.

Сквер. Закатное небо.

Женя снова сидит на той же скамейке. Она больше не плачет. Она курит, хмуро глядя перед собой.

Августовские сумерки. Двор-"колодец" перед Жениным домом.

Женя идет через двор. Белый "Опель" Кирилла стоит у ее подъезда.

Женя подходит к машине. Кирилл вылезает из "Опеля". Они стоят в шаге друг от друга, глядя друг другу в глаза.

— Рада видеть тебя. Правда? — широкая, лучезарная улыбка.

— Не то слово, — Женя смотрит на него с ледяной злостью.

— Давай в машину сядем. Поговорим.

— В машину? В ваську? Я вообще не знаю, кто вы такой! Я сяду в машину — через день меня найдут на дне Обводного канала!

— Так уж через день... Хорошего ты мнения о питерских сыскарях...

— ... В мешке из-под мусора! На куски порубленную!

Кирилл негромко, с видимым удовольствием смеется:

— Начиталась дряни копеечной. О маниаках. Я тебе потом составлю список литературы. Садись, — он открывает дверцу машины.

Женя смотрит на него с возмущением. Женя не собирается садиться в машину. Тем не менее, она делает это.

Кирилл обходит свой "Опель". Садится за руль. Оба смотрят вперед, на вечерний питерский двор, тесноватый, кривоватый, уютный.

— У меня был хороший любовник, — спокойно и зло говорит Женя. — Пять лет вместе. Все, больше его нет. Спасибо вам большое.

— Пожалуйста. Может, любовник он был и хороший, но мудака — каких мало. Продай тебя, глазом не моргнул. Так что благодарю тебя, благодари. Я тебя от подонка избавил.

— "Подонки"! Вы наехали на него, запугали... Кто вы такой?! — Женя резко поворачивается к Кириллу. — Что вам от меня нужно?!

— Мне?... Пауза. — Мне сорок пять лет. Со мной такое второй раз в жизни. Когда-то в молодости встретил женщину, вижу — моя. Не отбил, срейфил. Потом искал — не нашел. Всю жизнь помню, было себя по башке: моя была баба!

— Сейчас зарыдаю. Чарская. Чарскую читали?

— Читал. Даже издавать собирался. Я издатель. Второй раз в жизни — это ты. Ты что, думаешь, ты подарок такой?! Ты вообще не в моем вкусе!

— Так... Сначала — розовые сопли, теперь хамить начал.

— Я не хамлю. Но ты не в моем вкусе. Тем не менее, чуяю: моя!

— Разбежался...

Кирилл снова тихо, протяжно смеется:

— Слышал бы нас кто-нибудь! Двое умалишенных!

— Умалишенный тут один. Я пока, слава Богу, вменяем.

— Значит, договоримся. Предупреждаю сразу. У меня два краугольных порока. Во-первых — запойный. Во-вторых — москвич. Придется тебе с этим смириться.

— Первое я еще как-нибудь выдержала бы. Второе — вряд ли. Все, — Женя собирается выходить из машины. — Меня дети ждут. У меня детей много.

— Сколько? — весело спрашивает Кирилл.

— Пятеро.

— Не ври. Про мужа наврала? Наврала.

— А если бы он был?

— Развел бы.

— А Лолиту куда?

— Замуж выдам. За богатенького. Я заботливый.

— Вот давайте пока... — Женя ставит правую ногу на асфальт. — Собирайте приданое. Подыскивайте девочке достойную партию. А потом поговорим.

• Дина Корзун и Константин Хабенский